

# «Начинается нелегкая идиллия моей единственной любовной истории»

Галина Дмитриевна Дьякова - Гала родилась в России, прожила всю жизнь вдали от нее. Она была музой двух великих людей - поэта Поля Элюара и художника Сальвадора Дали, чья первая ретроспективная выставка в России открылась недавно в Центральном Доме художника.

«Существуют два важнейших события, которые могут произойти в жизни современного художника:

1. Быть испанцем.

2. Зваться Гала Сальвадор Дали. Случилось, что мне выпало и то, и другое. Как на то указывает мое собственное имя Сальвадор, я предназначен самой судьбой - не более не менее как спасти современную живопись от ленности и хаоса. Фамилия же моя, Дали, по-каталонски означает "желание", и вот у меня есть Гала...» - писал Дали в дневнике. В этом номере мы публикуем отрывок из книги художника "Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим", где великий маэстро вспоминает о встрече со своей Галой.

ОДНАЖДЫ утром, когда я помирал от смеха, перед домом остановилась машина. Из нее вышел Поль Элюар со своей женой. Они устали от длительного путешествия - только что побывали у Рене Кривеля в Швейцарии. Они тут же отбыли в отель "Мирамар", чтобы как следует отдохнуть, и договорились встретиться с нами в пять часов.

Лицо Гала Элюар было, на мой взгляд, очень интеллигентным, но выражало усталость и досаду - ну и дыра этот Кадакес!

В пять мы все поехали к ним и уселись на террасе в тени плантанов. Я выпил перно и не мог удержаться от приступа смеха. Элюару объяснили, в чем дело, и, похоже, он очень заинтересовался. Очевидно, все еле удерживались, чтобы не сказать ему:

- Погодите, это пока ерунда. То ли еще будет!

Вечером на прогулке я обсуждал множество серьезных вопросов с женой Элюара, Галой. Ее удивила стройность моих рассуждений, и тут же, под платаном, она призналась, что приняла меня за противного и невыносимого типа из-за моих лакированных волос, которые придавали мне вид профессионального танцора аргентинского танца. В самом деле, от мадридского периода у меня осталось пристрастие к фатовству. У себя в комнате я всегда ходил нагишом. Но если надо было отправиться в селение, я целый час прилежно себя в порядок нафабриковывал и брился с маниакальной тщательностью. Я носил безукоризненно белые оxford-костюмчики, сандаlette, шелковые рубашки, колечко из французского жемчуга и браслет на запястье. По вечерам надевал расписанные мною шелковые рубашки с очень открытым воротом и пышными рукавами, что делало меня похожим на женщину.

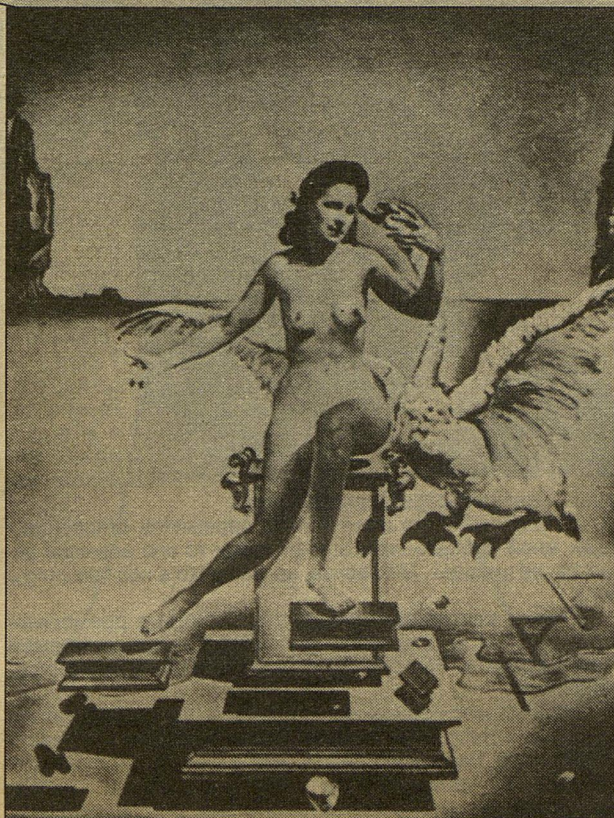
После прогулки я побеседовал с Элюаром и тут же понял, что он поэт уровня Лорки, из великих и настоящих. Я терпеливо ждал, чтобы он попросил показать пейзаж Кадакеса, но он еще "не увидел" его. Затем я попытался возложить ему на голову маленькую сову, но не смог. Потом я попробовал сделать то же с Лоркой, но ничего не получилось. Я попрактиковался на других поэтах, но ничуть не развеселился. Даже те, кто прежде вызывал у меня смех, ничем не могли мне помочь. Наконец я вообразил сову вниз головой, приклеившуюся какашкой к тротуару. Это вызвало у меня такой хохот, что я не мог идти дальше и повалился наземь.

Мы проводили Элюаров в отель "Мирамар", назначив им свидание на завтра в одиннадцать часов на пляже, чтобы пойти купаться.



Наутро я проснулся задолго до рассвета, дыхание мое прерывалось от ужасного страха. Как? Мои друзья и, особенно Элюары, будут на пляже ровно в одиннадцать, а мне из вежливости надо быть точным и прервать работу на целый час раньше обычного! Эта мысль ужасала меня и заранее отравляла все утро. Мне хотелось остановить солнце, погрузить его в воду, откуда оно появлялось, иначе я предчувствовал в себе внутреннюю борьбу.

Какая борьба, зачем? Утро сияло легким покоем, что обычно предшествует глобальным событиям. Дом жил обычной жизнью, приходила прислуга и отпирала кухню, ударяли по воде весла рыбака Энрике, под моими окнами шли стада коз, ведомые козлом. А тем временем... Что должно случиться? Я не мог оставаться перед своим мольбертом. Я примерил серьги сестры - ну уж нет, это украшение мало подходит для купания. И все же мне хотелось пококетничать с Элюаром. Почему бы не появиться голым и растрепанным? Ведь накануне они видели меня со сплывшей прической и таким же увидят вечером. Когда они придут, думаю я, спущусь с палитрой в руке, с колье на шее и растрепанным. В сочетании с моей загорелой, как у араба, кожей, это произведет интересный эффект. Оставив наконец мольберт, я стал криво обрезать свою самую красивую рубашку, чтобы она была не ниже пупа. Надев ее, я рванул ткань и проделал большую дыру на плече,



другую - на груди посередине, обнажив черные волосы, третью - сбоку, над коричневым соском. А ворот? Оставить его открытым или застегнуть? Ни то, ни другое. Вооружившись ножницами, я отрезал его совсем. Оставалось решить последнюю задачу: плавки. Они казались мне слишком спортивными и не соответствовали наряду светского экзотического художника, который я мастерил. Я вывернул их на левую сторону, выставив на всеобщее обозрение грязную хлопковую изнанку в ржавых пятнах от окислившегося пояса. Чем еще развить тему сильно ограниченного купального костюма?

Я нашел духи! Я включил паяльник, которым пользовался для гравюр, и сварил в воде рыбий клей. Сбежал на задний двор, где, я знал, стоят мешки козлинного помета, аромат которого до сих пор нравился мне лишь наполовину, взял горсть помета и бросил в кипящую воду. Потом размешал пинцетом. Теперь сперва шибануло рыбой, затем козой. Но немного терпения - микстура достигнет совершенства, когда я добавлю несколько капель лавандового масла. О чудо! Вот это точно запах козла! Охладив его, я получил массу, которой намазал тело. Теперь я готов.

Готов к чему? Я подошел к окну, которое выходило на пляж. Она была уже там. Кто Она? Не перебивайте меня. Хватит с вас того, что я говорю. Она была уже там. Гала, жена Элюара. Это была она! Галочка Редивива! Я узнал ее по обнаженной спине. Тело у нее было нежное, как у ребенка. Линия плеч - почти совершенной округлости, а мышцы талии, внешне хрупкой, были атлетически напряжены, как у подростка. Зато изгиб поясницы был поистине женственным. Грაციозное сочетание стройного, энергичного торса, ослепительной талии и нежных бедер делало ее еще более желанной.

Как я мог провести с ней полдня и не узнать ее, ни о чем не заподозрить? Это для нее я сфабриковал безумный утренний наряд, для нее измазался козлиным дерьмом и выбрил подмышки! И вот, увидев ее на пляже, я не осмеливаясь появиться в таком виде. Теперь, стоя перед зеркалом, я нашел его жалким.

"Ты похож на настоящего дикаря. Сальвадор, и ненавижу все это". Я разделся и стал изо всех сил отмываться, чтобы избавиться от удручающей вони, исходившей от меня. Осталось лишь жемчужное колье и наполовину сломанный цветочек герани.

На пляже я подошел к своим друзьям, но когда собирался поздороваться с Галой, меня сотряс взрыв хохота и я не мог сказать ни слова. Приступы повторялись всякий раз, как она заговаривала со мной и я обирался ей отвечать. Смирившись, друзья оценили это так:

- Ну вот. Теперь этого хватит на целый день.

И они сидели, гневно швыряя в воду камешки. Особенно разочарован был Бунюэль, ведь он приехал в Кадакес поработать со мной. Но я только и пытался совладать со своим безумием, а все мои планы, мысли и внимание были заняты Галой. Не в силах говорить с ней, я окружил ее тысячей мелких забот: принес ей подушки, подавал стакан воды, поворачивал ее так, чтобы она лучше видела пейзаж. Если бы я мог, я бы тысячу раз снимал и надевал ей туфли. Когда во время прогулки мне удавалось хотя бы на секунду прикоснуться к ее руке, все мои нервы трепетали и я слышал, как вокруг меня падают дождем зеленые плоды, как будто я не касался руки Гала, а до срока тряс неокрепшее пока деревце моего желания. Гала, которая с уникальнейшей в мире интуицией видела мою малейшую реакцию, не замечала, что я без памяти в нее влюблен. Но я хорошо чувствовал, как растет ее лю-

большое. Стоял сентябрь. Друзья-сюрреалисты уехали в Париж. И Элюар тоже. Гала осталась в Кадакесе. С каждой новой встречей мы как бы говорили себе: "Пора с этим покончить". Начался сезон охоты, и наши прогулки сопровождалась выстрелами, отраженными гулким горным эхом. Чистое и ясное августовское небо исчезло, пришли спелые осенние облака. Скоро будем собирать плоды нашей страсти. Сидя на куче камней, Гала ела черный виноград. И становилась прекрасней с каждой ягодой. Виноград таял, и тело Гала казалось мне созданным из мякоти белого муската. Завтра? Мы думали об этом непрерывно. Принося ей гроздь, я давал ей выбрать: белый или черный.

В решающий день она оделась в белое и такое тонкое платье, что, увидев ее рядом на тропинке, я вздрогнул. Дул сильный ветер, и я изменил наш маршрут, повернув с Галой к морю, к скамье, высеченной в скале и укрытой от ветра. Это было одно из самых пустынных мест в Кадакесе. И сентябрь повесил над нашими головами серебряную подкову луны. У нас в горле стоял ком. Но мы не хотели плакать, мы хотели покончить с этим. У Гала был решительный вид. Я обнял ее:

- Что вы хотите, чтобы я сделал?

Волнение мешало ей говорить. Она пыталась несколько раз, но не могла. Слезы текли по ее щекам. Я настаивал на ответе. Тогда, разжав зубы, она сказала тонким детским голоском:

- Если вы не захотите это сделать, не говорите об этом никому!

Я поцеловал ее приоткрывшиеся губы. Я никогда еще так не целовался, так глубоко, и не думал, что такое может быть. Все мои эротические "Парсифали" пробудились от толчков желания в так долго подавляемом теле. Этот первый поцелуй, в котором столкнулись наши зубы и сплелись наши языки, был лишь началом голода, который побуждал нас вкушать и поедать из глубины самих себя. Так я пожирал ее рот, кровь которого смешалась с моей кровью. Я исчезал в этом бесконечном поцелуе, который разверзся под мной, как бездна водоворота, в который меня затягивало преступление и который, я чувствовал, грозил проглотить меня...

Я оттянул голову Гала за волосы и истерично велел ей:

- Немедленно скажите мне, что вы хотите, чтобы я с вами сделал. Ну скажите же мне, тихо, глядя в глаза, самыми безжалостными словами, самыми непристойными, пусть даже будет стыдно нам обоим!

Я не хотел упустить ни одной детали этого разоблачения, таращил глаза, чтобы лучше видеть, чтобы лучше чувствовать, как я умираю от желания. Лицо Гала приобрело самое прекрасное выражение, какое только может быть у человека, и оно показало мне, что нас не спасет ничто. Мое эротическое влечение довело меня в этот миг до уровня слабоумия, и я повторил:

- Что-вы-хо-ти-те, что-бы-я-сде-лал-с-ва-ми?

Ее лицо изменилось, стало жестким и повелительным:

- Я хочу, чтобы вы выжили из меня дух.

Никакое толкование в мире не могло изменить смысл этого зова, который выражал то, что хотел выразить.

- Вы сделаете это? - спросила она.

- Меня поразило и разочаровало, что мне предложили в дар мою собственную "тайну" вместо эротического предложения, которого я ждал от нее.

Гала, хитроумная красавица из сказки, по своему желанию неловким ударом меча отсекала голову восковой кукле, которую я с детства видел на своей одинокой постели, и мертвый нос только что впрыгнул в сахар, обезумев от моего первого поцелуя! Гала спасла меня от моего преступления и излечила мое безумие. Спасибо! Я буду любить тебя. Я женюсь на тебе.

Истерические симптомы исчезли один за другим, как по волшебству, и я снова стал хозяином своей улыбкой, своих движений. Здоровье, как роза, расцветало в моей голове. Проводив Гала до вокзала в Фигерасе, где она садилась на свой парижский поезд, я воскликнул, потирая руки:

- Наконец-то один!

Ведь если мои смертельные детские головокращения были излечены, требовалось время, чтобы излечиться от моего желания одиночества.

- Гала, ты реальна!

Я часто думал об этом, сравнивая ее, создание из плоти и крови, с идеальными образами моих псевдолюбвей. И с трудом натягивал ее шерстяную пляжную майку, которая немного сохраняла ее запах. Я хотел знать ее, живую и естественную, но мне требовалось также время от времени оставаться одному.



Печатается в сокращении.